

Ходжиакбар ШАЙХОВ

РАССКАЗЫ

В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

В тридцатых годах XXI века в ряде хирургических клиник мира в силу чрезвычайного стечения обстоятельств прошли операции по временной пересадке мыслящего мозга в организм животного (чаще всего человекообразной обезьяны или собаки). Все эти операции, равно как и причины, побудившие к ним, подробно описаны в «Медицинском вестнике» Всемирной академии наук, в книге известного популяризатора науки профессора Горобца «От Эскулапа до наших дней», а также в тех выпусках медицинской энциклопедии, которые вышли после 2039 года.

Особое место авторы единодушно отводят происшествию с Шухратом Салимовым. И неудивительно. Ведь это единственный на Земле человек, который совершил гражданский подвиг в тот момент, когда его мозг находился не в собственном теле.

В общих чертах вы, разумеется, слышали об этой истории.

Шухрат Салимов, инженер-строитель по профессии, недавно записал все пережитое им в тот необычный день. С его разрешения мы публикуем эти записи.

* * *

Помните, сколько шуму наделало открытие пещеры на Памире? К ней съехались археологи всего мира. Поговаривали, что обнаруженные здесь глиняные таблички с надписями заставят по-новому взглянуть на историю древних времен региона.

Я приехал на Памир одним из первых, хотя имею об

археологии весьма смутное представление. Я инженер-строитель.

Дело в том, что вход в пещеру находился в верхней части почти отвесной скалы. Археологам нужно было как-то подниматься к пещере, доставлять туда оборудование, приборы, инструменты, а также переправлять вниз некоторые находки.

Вот почему было решено построить к пещере канатную дорогу. Взрывники приготовили чуть ниже входа небольшую площадку, где должна была подняться одна из опор дороги, вторую предстояло установить на гребне горного отрога, а третью — в излучине горной речушки, откуда сравнительно просто можно было добраться до шоссе.

Едва я приехал в лагерь археологов, как ко мне буквально подлетел сухонький, необыкновенно энергичный старичок. Впоследствии я узнал, что это знаменитый археолог, академик Мумин Вахабович Пулатов. Тогда же он моментально забросал меня вопросами:

— Когда же наконец вы построите канатную дорогу? Ну? Сколько нам придется ждать? Год? Два? Десять?

Ошеломленный такой стремительной атакой, я поначалу растерялся, но вскоре взял себя в руки и спокойно разъяснил, что приняты все меры для ускорения строительства. Проект уже составлен. Сейчас он лежит в моей папке. С минуты на минуту должны привезти технику и материалы, а все строительство займет не больше 10 — 15 дней.

Глаза академика гневно сверкнули:

— Пятнадцать дней! Да за это время горы можно свернуть! Вы что, и в самом деле собираетесь полмесяца возиться с какой-то ерундой?! — Он продолжал наступать на меня и успокоился только тогда, когда я заверил, что будет сделано все необходимое, чтобы сократить эти и без того сжатые сроки.

Нетерпение археологов я мог понять. Вход в пещеру был доступен, пожалуй, лишь опытным альпинистам. Из-за нависающего горного края к нему нельзя было приблизиться даже вертолетом. Вот почему широкие исследовательские

работы не могли начаться раньше пуска канатной дороги.

Через три часа после моего приезда в лагерь прибыл целый караван тяжелых вездеходов. Привезли все необходимое для начала работ.

Опору внизу мы собрали и установили практически в тот же день. Следующие три дня затратили на верхнюю опору — ее высшая точка находилась на одном уровне со входом в пещеру. Оставалось установить промежуточную самую тяжелую и высокую опору. Когда ее сборка подходила к концу, я вызвал с базы по радиации мощный горный трактор, с помощью которого предусматривалось поднять металлический великан методом падающей стрелы.

Трактор должны были привезти на следующее утро. А к вечеру небо начало хмуриться. Горы словно растворились на его черно-фиолетовом фоне, и только снежные вершины белели кое-где как облачка. Вскоре хлынул ливень, один из тех грозных ливней, от которых полнеют узенькие горные ручейки и, превращаясь в бурные потоки, сметают все на своем пути. Еще немного, и по расщелине чуть ниже нашего лагеря уже стремительно неслись желтые, смешанные с глиной потоки.

Назавтра погода прояснилась. Солнце ласково смотрело с высоты, ручеек выглядел таким же безобидным, как и перед ливнем, земля быстро высыхала.

Я вновь связался с базой, и мне сообщили, что в долине последствия ливня более серьезны. Горная дорога местами размыта, кое-где произошли обвалы. Дополнительную технику я смогу получить не раньше чем через два дня.

Не успел я выключить рацию, как в домик вбежал академик. Он нетерпеливо потирал руки:

— Ну вот, уже просохло окончательно. Почему никто не работает?

Я объяснил, что промежуточная опора более тяжелая и для ее подъема необходима техника помощнее. Через два дня...

Академик не дал мне договорить.

— Два дня! — воскликнул он. — Вы смеетесь! Два дня! — И он забегал по узкому помещению радиорубки, горячо упрекая меня в недальновидности и неумении организовать ритмичную работу.

Наконец он остановился напротив меня и заговорил спокойнее:

— Послушайте, вы говорите, что у вас маломощные тракторы... Но ведь и у нас есть один горный трактор. Почему бы вам не сцепить их? Тогда наверняка хватит мощности. И ждать не придется.

В том, что он говорил, был резон. Я тут же прикинул на портативной ЭВМ — мощность трех сцепленных друг с другом тракторов позволяла установить опору. Честно говоря, мне и самому не хотелось сидеть без дела.

Объяснив механику нового трактора его задачу и поставив этот агрегат в середину сцепки, я поднялся на огромный валун, на котором меня отлично видели все, кто участвовал в установке опоры.

Повинуясь моим сигналам, тракторы медленно двинулись вперед. Начала подниматься падающая стрела и, в свою очередь, потянула за собой опору. Та дрогнула, оторвалась от грунта. Ее верхушка медленно устремила к зениту. Тяговые машины работали легко, без натуги. Я уже считал дело сделанным. И вдруг что-то произошло. Я увидел, как опора сначала остановилась, затем пошла назад. Ничего не понимая, я повернулся к тракторам, и в этот момент рядом раздался оглушительный свист. Мощный удар в грудь смел меня с валуна и швырнул на острые камни. От боли я потерял сознание.

Пробудился я в полной темноте. Шею слегка покалывало. Пошевелил руками, ногами — вроде бы все в порядке. И все-таки была какая-то странность в том, как повиновались мне конечности.

— Шухрат, — донесся до меня приятный женский голос, — вы меня слышите?

— Слышу, — ответил я. — Что с моими глазами?

— Не волнуйтесь, все будет хорошо, — успокоил тот же голос.

— Кто вы? Это лагерь археологов? Где я?

— Нет, это не лагерь. Это Бустанская хирургическая клиника.

А меня зовут Светлана Назаровна. Я главный врач клиники.

— Светлана Назаровна...

Я дважды бывал в Бустане, красивом современном городке в горах, возникшем на месте древнего поселка. Но как я попал сюда? Ведь до городка от нашего лагеря не меньше трехсот километров. А прошло, как мне казалось, всего несколько минут.

— Сейчас вам все станет ясно, — в голосе Светланы Назаровны я уловил смущение. — Во время аварии пострадали легкие, сердце и другие органы. Кроме того, вы разбились, упав с высоты на острые камни, и потеряли много крови. — Она заколебалась, но затем твердо продолжала: — Ни в лагере, ни в нашей клинике нет аппаратуры, позволяющей длительное время поддерживать автономную работу мозга. Поэтому мы были вынуждены пойти на временную трансплантацию... Ваш мозг перенесен в другой организм, временно соединен с ним...

Она сделала паузу, я весь напрягся.

— С организмом лани. О, не волнуйтесь. Вы пробудете в нем всего несколько часов. Вертолет с Юлдуза уже в пути. Он доставит вас в тамошнюю первоклассную клинику, где ваше тело восстановят. Такие операции делают, вы, вероятно, читали об этом?

— Очень мало. — Вот все, что мог пробормотать я. — Постойте, но если я сейчас в теле лани, то как же мы с вами разговариваем?!

— Через индикатор, — пояснила она. — Вы не говорите, а думаете, индикатор же переводит ваши мысли в звуковые колебания. Однако индикатор установка стационарная, и во время полета его с вами не будет. Поэтому, если у вас есть какие-либо жалобы или пожелания, говорите сейчас. Вертолет прибудет с минуты на минуту.

Я до сих пор даже гриппом не болел. И вдруг такая операция! Конечно же, желание у меня было одно — поскорее принять свой естественный облик.

— Собственно говоря, — продолжала Светлана Назаровна, — вам можно было бы сделать укол и в спящем виде доставить в Юлдуз. Но мы решили не рисковать, полагаясь на ваше мужество и здравый смысл. Кроме того, все эти события будут при окончательной операции стерты в вашей памяти.

И вот тут-то я начал вспоминать подъем опоры. Ну конечно же! И как это я раньше не сообразил! Мощности тракторов вполне хватало, чтобы поднять опору, но ведь прочность захватывающего механизма, к которому крепится тяговый трос, не была рассчитана на такую нагрузку. Вот почему кронштейн не выдержал, оборвался, и механизм под действием сил натяжения в тросе, будто пушечный снаряд, был отброшен в сторону. Меня задело...

Тем временем с моих глаз сняли повязку. Я увидел светлую комнату, миловидную, средних лет женщину, нескольких ассистентов. Что-то темное, продолговатое находилось все время перед моими глазами. Я с ужасом понял, что это нос лани — мой нос. Одновременно я ощутил сотни разнообразных запахов — большинство из них впервые в жизни.

Люди смотрели на меня с состраданием. Я опустил голову.

— К сожалению, — как бы извиняясь, произнесла Светлана Назаровна, — у нас не хватило времени, чтобы отсечь ваше сознание от восприятия ощущений. Но ваше приключение заканчивается. Если у вас по-прежнему нет никаких пожеланий, мы отключаем индикатор. Вертолет прибыл.

Пожеланий у меня не было.

Юлдуз был новым космодромом, способным принимать корабли всех классов. Человек уже вышел за пределы солнечной системы, хотя до ближайших звезд было по-прежнему далеко. Но уже появились первые автоматические звездолеты, системы которых отрабатывались и испытывались в

межзвездном пространстве. Шли эксперименты с новым типом двигателя. Обычно эти корабли стартовали с Марса или с одного из крупных астероидов, но все данные обрабатывались на Земле. Точно так же на Земле исследовались образцы пород и минералов, доставленных с других планет и астероидов.

Юлдуз и был крупным научным центром, в котором располагалось несколько научно-исследовательских институтов, а также многочисленные центры по ремонту и диагностике кораблей.

Итак, наш вертолет держал путь к Юлдузу. В салоне, кроме меня, находился дежурный врач базы. Он то и дело успокаивающе гладил меня по шее и обнадеживающе кивал головой.

Летели мы около часа.

Вскоре на горизонте появилась другая горная система. У ее подножия примостились белые корпуса городка космологов, окруженные густой зеленью. Блеснуло широкое озеро — зона отдыха. Сам космодром был гораздо выше — за горным хребтом, где в недрах скал были пробурены глубокие шахты. К каждой вело несколько горизонтальных тоннелей на разных уровнях.

Клиника располагалась в стороне от городка, в гуще соснового леса. Эти сосны были несколько десятилетий назад специально выведены для южных широт. К клинике вело тихое шоссе.

Мы приземлились прямо на площадке перед клиникой. Рабочий автомат сгрузил контейнер. Вертолет тут же улетел. От клиники к нам уже бежал крупный широколицый человек в белом халате. Выглядел он взволнованным.

В тот же миг меня охватило странное беспокойство, никак не связанное с человеческой психикой. Его причиной был необычайный запах, уловленный звериными органами обоняния. То существо, в теле которого я оказался волей случая, напоминало о себе.

Мне и прежде приходилось читать и слышать о том, что

многие животные ощущают инстинктивный страх перед надвигающимся стихийным бедствием или неведомой опасностью. За несколько секунд до землетрясения или наводнения, когда человек спокойно спит, собака, например, начинает метаться, лаять, рваться на улицу. Механизм этого явления необъясним до сих пор.

Сейчас ученые научились предсказывать землетрясения, а наводнений в наши дни и вовсе не бывает... Этот тонкий и в то же время непривычный чужой запах неприятно поразил и взбудоражил меня. Я проникся ощущением надвигающейся опасности.

Но мое человеческое сознание упорно противилось этому чувству. И в самом деле, что могло произойти? Я находился на территории первоклассного ракетодрома, рядом с отличной клиникой, где работали выдающиеся специалисты. Что нам могло угрожать?

Доктор подбежал к нам и сказал:

— Пойдемте! Быстрее!

Мы вошли в клинику, прошли по длинному коридору и оказались в просторном кабинете, одна из стен которого была заставлена аппаратурой. В одном из приборов я узнал индикатор. Встречавший быстро подключил его клемму и заговорил:

— Прибыли? Как самочувствие? — Он обращался одновременно и к моему спутнику, и ко мне. Казалось, он испытывает смущение оттого, что должен называть лань на «вы».

Человек, сопровождавший меня, сказал несколько слов, видимо на латыни. Толстяк удовлетворенно кивнул головой, и тот вышел. Мы остались вдвоем. Врач спросил:

— У вас нет пожеланий или жалоб?

Я решил, что смешно говорить о каком-то страхе надвигающейся опасности, и ответил, что у меня все в порядке.

Врач сказал, по-прежнему смущаясь:

— Мы в целом подготовились к операции. Но... Только что произошло нечто странное... Двенадцать человек из лаборатории

получили тяжелые травмы. Совершенно непонятно... Сейчас весь персонал клиники борется за их жизни. Вам придется потерпеть еще часок. — Он умоляюще посмотрел на меня. Лань кивнула.

— Сейчас придет медсестра и сделает вам укол. Вы ничего не почувствуете, а когда очнетесь, будете уже в своем теле.

Продолжая вопросительно смотреть на меня, он отключил индикатор и указал мне на какое-то приспособление, похожее на станок для оперирования животных.

— Пожалуйста, встаньте сюда. Сейчас придет медсестра. — Он вышел.

Окно кабинета было распахнуто настежь. Оно выходило к горам, где располагались шахты с планетолетами. Воздух здесь был изумительно чист, но незнакомый запах ощущался сильнее. Пришла тревога...

Я подошел к окну и, опершись передними ногами о подоконник, выглянул наружу.

Здесь, рядом с клиникой, была устроена беседка, в ней находилось несколько человек, они говорили между собой. Вернее, говорил один человек в форме космолетчика, а остальные внимательно слушали его, время от времени задавая вопросы.

— Нет, первым догадался я. Причем по чистой случайности. Мы с Аликом договорились поехать в город, а встретиться должны были у входа в институт. Я жду, Алика все нет и нет. Позвонил — никто не отвечает. Тогда я подумал: может, у них собрание? Но Алик-то ничего мне не говорил. Позвонил в соседнюю лабораторию, там отвечают: «Они все на месте». Я все же упросил позвать Алика к телефону. Кто-то пошел за ним и... Вот тут-то началось. Все двенадцать человек оказались на полу в разных позах. Говорят, еще десять минут, и не было бы даже шансов на спасение...

— Чем же они там занимались?

— Обычной работой. С утра взяли за пробы, привезенные «Орионом».

По сообщениям прессы и телевидения я знал, что на Землю недавно вернулся космический корабль «Орион» с Нептуна. Впрочем, Нептун уже посетили десятки других кораблей. Исследованы тысячи доставленных ими образцов. До сих пор сенсаций не было.

Теперь после слов, произнесенных космонавтом, я гораздо с большим доверием отнесся к ощущениям лани. Тонкий непривычный запах доносился с двух сторон — сильнее оттуда, где, судя по всему, находилась шахта с «Орионом», и слабее со стороны института. Сопоставив это со случившимся, я понял, что в районе космодрома возникла опасность, неведомая пока людям.

«Ладно, — подумал я. — Сейчас войдет медсестра, я попрошу подключить меня к индикатору и расскажу о своих ощущениях».

За дверью слышались шаги. В кабинет вошла стройная девушка. Она с интересом посмотрела на меня. Я потерялся боком об индикатор, заглядывая ей в глаза.

— Бедненький! — сказала она. — Сейчас я сделаю вам укол, и вы уснете. Одну минутку. — Она взяла из стеклянного шкафа какие-то инструменты и прошла в смежную комнату.

Страшная догадка поразила меня. Сестра не поняла моих побуждений. Сейчас мне сделают укол, а когда я очнусь, из моей памяти будет стерто это. И я не смогу рассказать им, что опасность не исчезла, что она лишь затаилась!

Тем временем сидящие в скверике космонавты встали и двинулись к площади.

— Еще минутку! — пропела девушка в смежной комнате.

Дальнейшее произошло неожиданно для меня самого. Наверное, в эту минуту лань победила во мне человека. Одним прыжком я перемахнул через подоконник и тут же спрятался в густом кустарнике, окаймляющем скверик. Моего прыжка никто не увидел. Оказавшись на чистом воздухе, я огляделся внимательнее. К самой клинике примыкал густой лес, склоны ближних предгорий также были покрыты зеленью. Таким образом, незамеченным я мог свободно добраться до леса. В то же

время с моего наблюдательного пункта хорошо проглядывалась вся площадь перед клиникой.

Я решил, отсидеваясь здесь, придумать какой-нибудь способ сообщить о своих подозрениях людям. «Ах, если бы не эта девушка! — думал я. — Будь в кабинете тот толстяк, он бы правильно понял меня, когда я потерялся об индикатор». Больше всего я боялся теперь девушки.

В кабинете слышались шаги. Затем я услышал мелодичный голос:

— Товарищ... Товарищ! Где вы? — Девушка, держа шприц в руке, подошла к окну и выглянула наружу. — Товарищ! — позвала она еще раз, затем вскрикнула, выронила шприц и быстро выбежала из кабинета.

Как нарочно, у меня не появлялось ни одной путной мысли. Правда, я думал было, не вернуться ли мне в кабинет, чтобы вновь попытаться установить контакт с врачами. Я уже сделал несколько шагов, когда комната наполнилась людьми, которые тут же принялись внимательно обшаривать все углы.

Несколько человек, в том числе и толстый профессор, выглянули в окно. Вид у всех был озадаченный.

— Ну и денек! — воскликнул профессор. — И как это мы не подумали! У него наверняка начался обратный эффект. Выход один — немедленно разыскать, усыпить и на операционный стол.

Он обернулся и приказал кому-то:

— Срочно готовьте все к операции. Да, и еще — объявите по радио. Необходимо, чтобы все включились в поиск.

Тут он позвал громко:

— Шухрат! Шухрат! Где вы?

Я понял, что, стоит мне показаться из кустов, никому и в голову не придет объясняться со мной через индикатор. Но что мне делать? Что?

И тут одновременно во многих местах над всем городком зазвучал голос, усиленный радиоаппаратурой.

— Внимание! Внимание! Чрезвычайное сообщение! Только

что из хирургической клиники при невыясненных обстоятельствах исчез пациент, который несколько часов назад подвергся трансплантации. Его мозг временно пересажен в организм лани. Особые приметы: крупный рост, цвет — палевая с рыжими пятнами. На шее специальный ошейник типа «Контакт». Существует опасность, что вследствие обратной связи сознание пациента может пострадать. Работники клиники обращаются ко всему научному персоналу, ко всем жителям города с просьбой принять участие в поиске. Гарантированное время нормальной жизнедеятельности мозга пациента в организме лани не более восемнадцати часов. Четыре часа уже прошло. Предполагаемое место нахождения — район клиники.

Это сообщение на разные лады повторялось несколько раз. «Ну что же, решил я. — Четырнадцать часов у меня еще есть. Я что-нибудь придумаю и выйду к ним. Только нужно найти подходящее место для размышлений. Здесь мне сосредоточиться не дадут».

Из клиники выбежало несколько десятков человек. На площадь опустились пять или шесть вертолетов, еще три или четыре летели со стороны города. По шоссе мчалась целая вереница автомашин. Площадь, совершенно безлюдная пять минут назад, быстро наполнялась народом.

Между людьми сновал профессор. Он делил собравшихся на группы, что-то растолковывал. Группы одна за другой уходили в разные стороны. Человек десять двинулись на меня. Я понял, что еще немного и меня обнаружат.

Скрываясь за кустами, я добрался до леса раньше своих преследователей. Кажется, меня не заметили. Я бежал по узенькой тропинке, ведущей к горам. С левой стороны тропинки тянулся неглубокий овраг с пологими склонами. Вдруг впереди послышались голоса. Я быстро метнулся к оврагу.

Рядом со мной прошли три человека. Они озирались по сторонам, но каким-то чудом не заметили меня.

— Нет, — сказал один из них, — тут он еще не проходил.

Поищем поближе к клинике.

Они скрылись из виду. Я снова выбрался на тропинку и побежал вперед, уверенный, что вырвался из кольца окружения.

Теперь я двигался медленнее, перебирая на ходу возможные варианты контакта.

С момента моего бегства прошло уже сорок минут, но я так ничего и не придумал. А странный запах по-прежнему витал в воздухе. Сейчас он ощущался резче, сильнее...

Вскоре я вновь должен был настрожиться. Впереди среди золотистых сосновых стволов показался небольшой двухэтажный домик. Я подошел ближе. Дом стоял на зеленой солнечной лужайке в тени мощных деревьев. Судя по всему, это был двухдневный дом отдыха. Вероятно, люди, которых я встретил недавно на тропинке, шли отсюда.

Несколько минут я внимательно осматривал окрестности. Стояла полная тишина. Лишь птицы щебетали по всему лесу. Одно из окон домика было распахнуто настежь. Внутри никого не было.

Наконец, осмелев, я осторожно вышел на поляну, приблизился к домику и поднялся на крыльцо. Дверь легко подалась. Я увидел большую комнату на нижнем этаже, лестницу, ведущую наверх, где были комнаты поменьше.

В центре зала стоял длинный деревянный стол с остатками обеда. Видимо, людям пришлось уйти неожиданно. Я догадался, что они услышали по радио сообщение о моем исчезновении и поспешили на розыски. Мое внимание привлек большой чайник. Увидев его, я внезапно ощутил сильную жажду и вспомнил, что не пил уже несколько часов.

Обходя стол, я заметил в углу низенький журнальный столик, на котором стояла пишущая машинка с вложенным в нее белым листком бумаги. Поначалу я не обратил на нее особого внимания, но когда она оказалась уже за моей спиной, что-то ослепительно прояснилось в моем сознании. Забыв о жажде, я подбежал к столику. Вот он, выход! Я стоял и смотрел на машинку и на лист

бумаги как на чудо. Сейчас я напечатаю всего лишь несколько слов:

«Опасность — «Орион». Исследовать со служебной собакой и приборами. Оставьте мне память!» Потом побегу с этим листком к людям. В любом случае они прочтут написанное и поднимут тревогу. Даже если меня не подключат к индикатору, моя записка наведет ученых на верный след.

Я подошел вплотную к машинке. Видимо, лист в нее только что вставили. На нем было отпечатано всего три слова: «Таким образом коэффициент»... Вероятно, кто-то в лесной тиши корпел над диссертацией.

Зубами я осторожно провернул валик так, чтобы центр листа оказался на уровне ленты. Затем нажал копытцем на букву О. Как я ни старался, но раз за разом придавливались три или четыре клавиши, нужные буквы не отпечатывались. Тогда я попробовал печатать носом. Результат был прежним.

На миг я пришел в отчаяние. Но тут мой взгляд упал на нож с острым лезвием, лежащий на столе. Я крепко сжал зубами его рукоятку, повернул голову набок и нажал острием на клавишу с буквой О. Буква отпечаталась, но слишком бледно. Следующую клавишу с буквой П я буквально ударил ножом изо всех сил. Буква отпечаталась четко, но тут же я ощутил сильную боль: ударив, я не смог удержать зубами металлическую рукоятку, и нож скользнул и поранил мне... (хотел сказать лицо).

С этими короткими фразами я провозился не менее часа. Когда наконец была отпечатана последняя буква, я с наслаждением, мотнув головой, отшвырнул нож далеко в сторону.

Но, утолив жажду ароматным холодным чаем, я почувствовал, как силы вновь возвращаются ко мне. Я был несказанно рад, что случай помог мне выкрутиться из чертовски сложной ситуации. Взяв зубами лист, я смело выбежал из домика и устремился по тропинке вниз. Я бежал быстро, ведь после моей отлучки прошло уже не менее двух часов.

Тропинка петляла из стороны в сторону. В одном месте лес, что рос слева от нее, расступался. Просматривалась долина, ракетодром, городок, клиника. До нее было не больше трех километров. Вдали я заметил большую группу людей. Видимо, они обсуждали, в каком направлении вести поиск дальше. Я решил бежать к ним напрямик, тем более что лес был тут рядом, а земля между деревьями покрыта мягкой зеленой травой.

Единственное препятствие на моем пути — небольшой овражек, поросший густым кустарником, — я рассчитывал преодолеть с ходу. Но когда я продирался сквозь гибкие тонкие ветки, у самого моего уха раздался странный щелчок, потом неведомая сила приподняла меня над землей и опустила в какой-то ящик. Все это произошло в течение двух-трех секунд.

Я оказался в ловушке — большой металлической клетке. Такие ловушки устанавливают кое-где на звериных тропах. Отловленных животных отправляют в зоопарки, институты, а то и отпускают, предварительно окольцевав. Ловушка имеет специальное автоматическое устройство, запрещающее захват человека. Поначалу я решил, что ловушка была настроена специально для моей поимки и что вот-вот явятся люди, которые освободят меня. Однако это была самая обыкновенная стационарная ловушка, и, судя по всему, установлена она здесь была давно.

Я предпринял отчаянную попытку вырваться на волю — бросался всем телом на прутья, грыз их зубами — тщетно. Ловушка была сработана на совесть.

Я понял, что это конец. Мне захотелось завывать от огорчения и жалости к самому себе.

Прошел еще час или полтора. Я утратил всякую надежду. Единственное, что меня утешало, — это белый лист бумаги с неумелой надписью посередине. Что бы там со мной ни случилось, его найдут. Значит, мой побег все-таки имел смысл.

И тут послышалась негромкая песня. По тропинке от домика спускался мальчик лет восьми. В руках у него было лукошко с

грибами. Скорее всего это был сынишка одного из отдыхающих.

Я подал голос. Мальчик остановился и удивленно осмотрелся. Наконец заметив меня, он поставил лукошко на землю и произнес, всплеснув ручонками:

— Ой, какой олешек!

Нужно было во что бы то ни стало расположить мальчонку к себе. Я улыбнулся. Вернее, я хотел улыбнуться как человек, но получилось, видимо, нечто противоположное, потому что малыш испуганно протянул:

— Ой, какие зубы!

Тут он поднял лукошко и, осторожно ступая, двинулся обратно к домику, оглядываясь на меня. Еще один-два шага, и он исчез бы за деревьями.

И тут меня осенило.

Я сел на задние лапы и принялся мотать головой в такт песенке, которую только что напевал малыш. Тот сделал шаг вперед.

Я тут же принялся танцевать какой-то фантастический танец. Потом прошелся по клетке на задних ногах, начал раскланиваться, как это делают дрессированные звери.

На лице малыша появилась улыбка.

— Олешек, ты из цирка, да? — спросил он, подходя к самой клетке. Как же ты сюда попал? Хочешь, я тебя выпущу?

Я обрадованно закивал головой.

Мальчик отодвинул запор. Послышался щелчок. Детская ручонка погладила меня по спине:

— Ты заблудился, да? Ты совсем не страшный, ты добрый...

Я лизнул мальчику руку, зажал в зубах записку и побежал через лес к клинике, туда, где были люди.

* * *

Операция прошла очень успешно. Только чуть заметный

круговой шрам на шее напоминает мне о событиях того дня.

Тайна «Ориона» и лаборатории института разгадана. Может быть, благодаря моей записке.

Дело в том, что «Орион» привез с Нептуна необыкновенно живучие микроорганизмы, заброшенные туда неведомым космическим телом (неизвестным космическим кораблем?). В замороженном виде сотни лет таились эти микроорганизмы на поверхности Нептуна. Оказавшись же на Земле, они возобновили жизнедеятельность. Одна из основных их особенностей — участие в процессе, обратном фотосинтезу. Микроорганизмы поглощают кислород, а выделяют углекислый газ и еще какие-то газы. Кроме того, в благоприятной среде они стремительно размножаются. Вот почему воздух в лаборатории в считанные минуты перестал быть пригодным для дыхания. Люди слишком поздно это почувствовали...

Канатная дорога к пещере построена. Археологи начали свои работы. Об этом я узнал от Мумина Вахабовича, который, несмотря на занятость, находит время, чтобы навещать меня.

Перевод с узбекского Валерия Нечипоренко

ПЕСНИ ДАРХАНА

Этот удивительный случай произошел в Дархане, одном из отдаленных горных кишлаков, в день навруз-байрама, праздника весны, когда людям кружит головы теплый ветер, напоенный ароматами проснувшейся земли и влагой горных родников, когда ребяташки упоенно катаются по мягкой зеленой траве, а старые полвоны вспоминают давние годы молодости и удальства...

Еще не начинался день. Только розовели белые от снега вершины да склонялась к востоку уже бледная и убывающая луна. А к лужайке один за одним потянулись всадники, и дорога из кишлака до места, где должен был сегодня проводиться улак — любимое состязание в наших краях, — стала похожа на карнавальное шествие. Участники улака, молодые, богатырского сложения парни, были одеты кто в летние яркие халаты — яктак, кто в изумрудные шелковые — бекасам, были и черные, простые халаты. А шапки! И лисьи рыжие, и серые заячьи, и даже кожаные танковые шлемы, вытасщенные из старых сундуков. И у каждого всадника конь — вороной, белый или пегий, нетерпеливо фыркающий, встающий на дыбы и тоже как бы зараженный общим настроением! Далеко доносится ржание, призывные крики джигитов, гиканье и шутки, которыми подбадривают друг друга участники соревнования, чтобы поддержать в себе настроение и волю к победе.

Но не только лужайка у недалекого от кишлака холма полна народу. Чуть повыше, на зеленой террасе, поднимающейся уступами, расположились те, кто по праву считает себя неотделимым от праздника, — зрители, оживленные и нарядные. Старики разглядывают джигитовку, обмениваются то язвительными, то восхищенными репликами, дети, кто постарше, внимательно слушают разговоры, а кто помладше — просто

сидят и смотрят, впитывают в себя и яркость красочного зрелища, и гул, и голоса вокруг. Возможно, через годы, особенно если уедет кто из родного края, оживет в нем и утро, нежно розовеющее на склонах гор, и сверкающие капли росы, словно бусы, осыпавшие упругие стебли темно-зеленой травы, и то общее чувство радостного ожидания, которое роднит всех сидящих; заговорит все это в душе юного горца как воспоминание о родине и земле, вырастившей его!

Вскоре окруженное с четырех сторон горами обширное холмистое плато было до отказа забито съехавшимися из Дархана и близлежащих кишлаков зрителями и участниками. Они время от времени посматривали вдаль, на дорогу, и когда раздался крик: «Едут! Едут!», не осталось ни одного, кто бы не оборотился в сторону горной дороги, петляющей между холмами.

Именно в этот момент высоко в небе зажглась какая-то необычная звезда. И если вначале она, слабо мерцая и то исчезая в ярком свете утра, то возникая вновь, была еле видна, то вскоре начала расти и как бы наливаясь краснотой. И все же эта сверкающая красная звезда была маленькой — не больше горошины, и никто не обратил внимания на то, что она вот-вот готова коснуться дальней вершины четырехугольной горы. Все были заняты другим: по дороге ехал маленький караван; впереди голубовато-зеленая «Нива», за нею, чуть отстав, четверо верховых в блестящих шелковых халатах, и, наконец, позади всех бортовая машина ГАЗ-52, груженная подарками: несколько баранов и коз, возле правого борта тюки и коробки с коврами, радиоприемниками, телевизорами. Машины ехали медленно, и все могли хорошо рассмотреть, что победителей улака ожидают богатые и желанные подарки. Поэтому, когда машины наконец остановились, их встретили аплодисментами. Из «Нивы» вышли три человека. К аплодисментам добавились и приветственные возгласы. Приехали люди уважаемые, хорошо известные присутствующим: генеральный директор знаменитого агропромышленного объединения «Пахтакор», Герой

Социалистического Труда Тешабай-ата Олимов, председатель Дарханского сельсовета Учкун Атабаев. На долю третьего достались особенно сердечные приветствия, потому что это был человек, чье искусство было широко известно в стране и давно заслужило почет и уважение, — популярный певец и сказитель Кадыр-бахши, сын Нурбая.

Кадыр-бахши, как и герои его сказаний, был крупным, плечистым, статным, лицо его носило печать благородства и ума. В руках у него была постоянная спутница — миниатюрная домбра в черном чехле. Сколько песен, легенд и сказаний словно воскресила из прошлого чудесная домбра, сколько сердец заставила она трепетать и восхищаться, плакать и радоваться вместе с героями! Кадыр-бахши прекрасно знал не только классику; не раз отправлялся он в дальние районы, слушал сказителей, певцов, выступавших на свадьбах и тоях; как драгоценные жемчужины, искал он и находил редкие стихи и слова, казалось, навсегда погребенные в толще времени.

Приехавшие верхом всадники — музыканты и ведущие состязаний спешили, и по знаку председателя сельсовета согласно зазвучали на холме карнай, сурнай и барабаны.

Тешабай-ата и его спутники под звуки музыки вступили в круг участников соревнования. Смолкла музыка. Генеральный директор вышел вперед и заговорил:

— Уважаемые сельчане, джигиты, которые покажут нам сегодня свое искусство! Сегодня мы собрались сюда, чтобы в согласии со старинным обычаем провести праздник весны — навруз-байрам, порадоваться, что земля наша становится все краше и богаче, и потому прежде всего разрешите пожелать вам больших успехов в труде и хорошего урожая в новом сельскохозяйственном году!

Глубокая тишина, которая воцарилась при первых словах Тешабай-аты, взорвалась аплодисментами, криками: «Спасибо, благодарим! Желаем и вам того же!» Поскольку Тешабай-ата был не большим любителем говорить, он сразу же перешел к делу:

— Ну а теперь пусть наши парни покажут, на что они способны! Победителей ждут призы и слава! Пожелаем им удачи!

И снова зазвучали, далеко уносясь в горы, звуки карнаев и сурнаев. Затем два ведущих — халаты их, тонкие и разноцветные, блестели в лучах встающего солнца — быстро направились к грузовой машине. Стоявший в кузове полноватый крепыш, нагнувшись, вытащил улак — тушку козла — и протянул ее ведущим. Старший церемониймейстер бережно принял улак и, хлестнув коня, направился к всадникам, полным лихорадочного волнения и настороженного внимания. Им предстояло отбивать улак друг у друга в ожесточенном поединке, где все играло роль — и настроение, и быстрота коня, и сила мышц, а главное — ловкость.

Состязание, которого все с таким нетерпением ждали, началось. К тому времени уже окончательно рассвело, небо стало из темно-синего голубым и прозрачным, солнце ослепительно сияло на вершинах и играло на сбруе и рукоятках плетей, которыми всадники ожесточенно махали перед собой. Некоторые из этих рукояток были старинной работы, с насечками и инкрустацией, и передавались от отца сыну, от деда внуку, как и снаряжение лошади, и старинные пастушеские сумы, вышитые яркими, не тускнеющими узорами, которые приводят в восторг знатоков. Никто не смотрел вверх, а странная звезда между тем все росла в размерах, и, когда она повисла над вершиной горы, похожей на чувстскую тубетейку, она уже была размером с футбольный мяч, затем с небольшой круглой стол. Садясь на гору, которая была позади лужайки, где сидели зрители, странная звезда была уже не звездой, а круглой и плоской тарелкой около десяти метров в диаметре. Вместе с ней на вершину опустилось белое плотное облако, похожее на гигантский сгусток тумана, и вскоре уже ничего нельзя было рассмотреть на вершине, которая стала посадочной площадкой неземных пришельцев.

* * *

Шестилетний внук престарелого Ислам-кари, бывшего наездника, обыкновенно укладывался спать далеко за полночь. Неугомонный, быстрый, он наполнял своим шумом и беготней весь дом. Но вчера Санджар улегся спать пораньше: дед обещал ему, что возьмет с собой на состязания, а так как бывший наездник не только прекрасно разбирался в правилах улака, качествах лошадей, но и обладал редкой памятью и острым юмором, то выходить с бабушкой на люди стремились все родственники старика. Что уж говорить о Санджаре! Вот почему, едва на рассвете рука Ислам-кари дотронулась до него, мальчик вскочил, мгновенно оделся и вскоре был готов в путь. Ислам-кари собирался медленнее. Он тщательно умывался, затем прилаживал на голове белоснежную чалму. Надев поверх рубашки с глухим воротом халат из адраса¹ и обувая ичиги, он некоторое время постоял у порога, глядя на жену, неподвижно лежащую в глубине комнаты.

Вот уже около двух лет старая женщина лежала больно, не имея возможности ни встать, ни даже поднести ко рту еду: ноги и руки у нее не двигались, каждое движение причиняло нестерпимую боль. Лекарства давали облегчение на некоторое время, но пока медицина была бессильна против тяжелого недуга. «И откуда к ней прилипла эта злосчастная болезнь? — думал Ислам-кари. — Ведь была в молодости такая неугомонная, певунья, и в старости все в доме на ней лежало; со всем она справлялась и никогда не жаловалась. А теперь? Взгляд потухший, равнодушный. Вот что делает с людьми болезнь!» Вздохнув, он вышел из дома, посадил внука впереди себя на лошадь и медленно поехал к лужайке, где проходили соревнования. Не та была уж прыть и у лошади, и у всадника, и пока они добрались до места, соревнования уже начались. Дедушка, едва стреножил коня, тут же впился глазами в яркое и

¹ *Адрас* - полосатая шелковая ткань.

быстро меняющееся зрелище внизу, пытаюсь определить, кто впереди. А Санджар, наоборот, изумленно оглядывался и вертелся во все стороны. Все ему было интересно — и лошади, бешено мчащиеся внизу, и дальние горы, вершины которых блестели в лучах ослепительного весеннего солнца, и то, почему отсюда дома кишлака кажутся такими маленькими... Внезапно взгляд его остановился на вершине горы, похожей на чувскую тубетейку. Облако, покрывавшее ее, вело себя странно: оно словно всасывалось в огромную воронку, клубилось наверху и по бокам и медленно оседало вниз.

— Дедушка! А дедушка! — подскочил к Ислам-кари внук и попытался повернуть его к себе. — Ты посмотри только!

— Что тебе? — пробормотал дедушка, не отводя глаз от игры наездников.

— Вот, посмотри, облако какое!

— Облако! Нашел диковинку! — снова проговорил дед, недовольный тем, что его отвлекают от интересного зрелища. — Лучше сядь рядом и смотри вперед. Для чего я тебя сюда привел?

— Да ты посмотри!

— Не мешай! — отмахнулся дед.

Санджар обиженно отошел в сторону, сел возле куста боярышника и уже не спускал взгляда с облака, которое постепенно уменьшалось, словно его всасывала внутрь горы какая-то сила. И вот показалось что-то серебристое, круглое... Еще несколько секунд, и стало видно, что на вершине горы стоит на тонких «ножках» серебристая «тарелка», чуть наклонившись в сторону лужайки со зрителями.

— Дедушка! — опять не выдержал Санджар, подбегая к Ислам-кари. — Там что-то село, похожее на тарелку! На межзвездных пришельцев!

— Вот постреленок, не дает покоя! — пожаловался соседу Ислам-кари. Вертолет сел, так он тут готов фантазии разводить!

Он, занятый улаком, даже не посмотрел туда, куда изо всех сил указывал, прыгая и дергая его, непоседливый внук.

Обиженный Санджар отпустил деда и задумался. Вертолет? Он часто видел вертолеты над кишлаком, видел их и по телевидению. Нет, на вертолет это непохоже. Похоже это больше всего на то, что тоже иногда показывает телевидение в каких-нибудь приключенческих или фантастических фильмах. Он не знал слова «фантастика», но хорошо запомнил, что на землю могут спуститься откуда-нибудь со звезды или с Марса космонавты, и люди в фильмах принимают их приветливо, как дорогих гостей. А вдруг это чудо случилось с ними? И первый, кто встретит гостей, будет он, Санджар!

Посидев немного, он сначала нерешительно, потом все быстрее стал пробираться прочь. Дед, занятый соревнованиями, не обратил внимания на то, что Санджар, выйдя на дорогу, повернул влево и стал карабкаться вверх — с горы легче было выйти к «тюбетейке».

* * *

...В нижней части «тарелки» автоматически раскрылся люк, на землю медленно опустился своеобразный эскалатор, по которому сошли трое. Выглядели они довольно необычно: вместо головы — белоснежные улиткообразные наросты, но в отличие от улитки наросты были пористыми, они вздымались и словно дышали. Полосатые их скафандры разделял яркий красный пояс с многочисленными кнопками, отверстиями, в которых светились и мигали лампочки. Высотой они были около четырех метров, но третий явно отличался от двух первых: он был чуть выше среднего человека, и движения его были более порывистые и резкие, чем у других. Космонавты двигались вначале неуклюже и медленно, вероятно, настраивая свои приборы применительно к условиям незнакомой им планеты. Но вскоре движения их стали более плавными и уверенными, на отростках, напоминающих руки, засветились приборы, похожие

на наши часы.

Некоторое время они стояли неподвижно, вглядываясь в картину, открывающуюся перед ними: зеленое плато было объято суматохой, несколько сот всадников, поднимая пыль столбом, боролись за улак, кружась и направляя своих лошадей то в одну, то в другую сторону. Слышались вскрикивания, ржание, голоса зрителей, подбадривающих своих любимцев, иногда превращались в пронзительные вопли досады, гнева или радости. Дети вскакивали, хлопали в ладоши и тоже подражали взрослым, одобряя или порицая действия всадников.

Пришельцы обменялись сигналами — шлемообразные, закрученные их наросты пожелтели, стали темными, потом снова приобрели первоначальный цвет. Затем все трое, нажав кнопки на поясе и разом оторвавшись от земли, полетели вниз, не меняя своего положения. Достигнув подножия гор, летевший впереди космонавт заметил мальчика, упорно карабкающегося по направлению к кораблю. Он дал сигнал своим спутникам, затем направил в сторону мальчика тонкий, как игла, фосфорический луч.

— Он хочет познакомиться с нами, — передал он результат своего исследования. — Лучше, если мы пошлем к нему Аэрти.

Второй космонавт ответил согласием. Конус у него над скафандром снова пожелтел, стал синим и опять принял первоначальную окраску, после чего младший космонавт, нажав одну из кнопок, опустился вниз, к Санджару, который, не подозревая, что делается над его головой, все еще спешил вперед — потный, взъерошенный и все же, как всегда, упрямый.

* * *

А внизу страсти разгорались все жарче, круг всадников клекотал, словно казан с кипящим пловом.

Тешабай-ата, Кадыр-бахши и около десятка авторитетных

людей кишлака, вошедших в состав жюри (Ислам-кари тоже был приглашен в их число), расположились полукругом на большом арабском ковре, разостланном на лужайке. Соревнование подходило к финишу: один из водителей-механиков хлопкоуборочного комбайна, Музаффар-полвон, на полном скаку врезался в небольшую группу всадников, далеко опередивших остальных и завладевших улаком, и, ухватив добычу, резко рванул тушу козла к себе, да так, что ни один из тех четверых, что сражались из-за добычи, не успел ему помешать. Пока противники опомнились, Музаффар, молниеносно зажав козла коленом, ринулся вперед. Но подскакавшие всадники окружили его, загораживая путь, и тогда, изо всех сил хлестнув коня плетью, он чудом прорвался сквозь живую ограду. Правда, чья-то плеть задела его, до крови ожгла подбородок, но разъяренный карабир, пулей устремясь вперед, понес хозяина так, словно у него выросли крылья и он впрямь стал одним из сказочных коней, прозванных араванскими — небесными. Обогнав соперников, Музаффар бросил улак наземь, возле судей. Зрители встретили его, крича от восторга. Главный церемониймейстер поднял улак с земли и, зажимая его коленом, протянул победителю руку.

А парни уже вели приз — большого упитанного барана, который крутил головой и ошалело смотрел вокруг. Затем председатель вручил Музаффару конверт с деньгами и, еще раз поздравив его, сказал:

— Удачи вам, дорогой, и в труде, и в спорте!

Площадка вновь огласилась криками. Все хорошо знали Музаффара. Трудолюбивый, застенчивый, он всегда готов был помочь товарищу, близким. Полвоном — богатырем — прозвали его недаром; кто еще мог, с утра до вечера проработав на комбайне, проскакать за ночь туда и обратно около двухсот верст, чтобы проводить друга, а потом как ни в чем не бывало снова работать на поле да еще перевыполнять норму? Кто не раз одолевал самых сильных парней соседнего кишлака? И наконец,

разве не за него согласилась выйти красавица Ойгуль, хотя родители, как известно, хотели выдать ее за городского парня, у которого был большой дом и хорошая должность.

Один из стариков, обращаясь к бахши, попросил:

— Не споете ли нам в честь полвона одну из своих песен, уважаемый Кадырбай?

Пожелание старшего — закон. Но и сам Кадыр-бахши смотрел на молодого победителя с отеческой лаской и нежностью, словно видел он перед собой собственную свою молодость — горячую, отважную, красивую... Он с улыбкой взял домбру, начал ее настраивать. Все сидящие поблизости с интересом смотрели на него.

— Спою вам отрывок из дастана «Алпамыш», — настроив инструмент, негромко объявил Кадыр-бахши и, немного подождав, сосредоточившись, с силой ударил по струнам своей домбры.

* * *

Космонавты тем временем медленно опустились на площадку позади зрителей. Тонкие фосфорические лучи быстро пробежали по рядам людей — туда и обратно, а затем устремились к Кадыр-бахши, словно спеша вслед за тем, что так сильно и горячо интересовало всех собравшихся.

Наездники, готовые ко второму заезду, медленно приблизились к певцу и стали неподалеку в ожидании. На некоторых лицах выражалась досада: разгоряченное самолюбие толкало их на дальнейшую борьбу, они тяжело дышали. Зрители поспешно пересаживались поближе.

Впрочем, это было напрасно: сильный, звучный голос Кадыр-бахши был слышен далеко, и казалось, что на возглас, которым он начал знаменитую песнь об Алпамыше — герое-богатыре узбекского народа, откликнулись и холмы вокруг, и горы, и само

солнце: так всколыхнулись ряды слушателей. Сказание это, близкое и дорогое собравшимся, было хорошо знакомо людям вокруг. С детства слышали они то отрывки из дастана, исполнявшиеся певцами, то стихи, то былины о храбром Алпамыше, а так как ни одна свадьба, ни один той не обходится без песни, то, впитанная чуть ли не с молоком матери, героическая эта сага Востока быстро захватила в плен слушателей. Все постепенно замерло вокруг: и сидящие на ковре белобородые старцы, и остальные члены жюри, и джигиты, мускулистые и крепкие, подставляющие из широко распахнутых рубах смуглые тела навстречу первым горячим лучам. Казалось, даже лошади, на чьих мордах еще не высохла пена и чьи бока не успокоились после сумасшедшего бега, и те готовы слушать песню, так присмирели они возле притихших своих владельцев...

Голос Кадыр-бахши набирал силу, протяжные, звучные аккорды вторили ему. Чудо-домбра то рокотала, наливаясь гневом, то стонала, передавая тончайшие переливы настроения, повествуя о страшной битве между узбекским и калмыцким богатырями:

*Силы не жалеет Алпамыш своей,
Кокальдаш в борьбе становится все злей,
Но ни Алпамыш не победил пока,
Ни калмык его не одолел пока.
Гнут хребты друг другу или мнут бока
Хватка у того и этого крепка!
Он калмыка жмет — калмык едва стоит,
Он калмыка гнет — хребет его трещит;
От земли его он отрывает вдруг,
В небо высоко его швыряет вдруг!
Видя это чудо, весь народ шумит,
Головы закинув, в небеса глядит,
Как батыр огромный с неба вниз летит...²*

² Перевод Л. Пеньковского.

Космонавты, расположившись сзади зрителей, внимательно слушали дастан и следили за поведением и настроением зрителей. Эмоциональный фон, сопровождающий информацию о подвигах, заинтересовал их в особенности. Еще более странным было для них созвучие между Кадыр-бахши и сидящими вокруг него людьми, как будто все они дышали и думали в унисон.

Отчего плачет вон тот худой старик в тюбетейке и темном халате, утирая щеки концами широкого пояса? А джигит на коне нахмурился, словно он вместе с Алпамышем сидит сейчас в темнице и стонет о родной земле, оставленной вдалеке?

Приборы бесстрастно записывали происходящее, чуть слышно потрескивали вокруг скафандров электрические разряды. Несмотря на то, что гости стояли, почти не скрываясь, на них не обращали внимания. Возможно, чей-нибудь взгляд падал на стоящие вдалеке странные фигуры, но белоснежные наросты над полосатыми скафандрами сливались в восприятии с чалмой, которую надевают старики. Сходство дополняли и сами скафандры, и пояса, да и расстояние скрадывало огромный рост пришельцев. Так что рассеянный взгляд, скользнув по ним, возвращался, как к магниту, к Кадыр-бахши, забывая о фигурах, забравшихся так далеко в горы. Солнце ослепительно сияло вокруг, и люди жмурились, сидя в этом потоке света и тепла, слушая могучий голос народного певца и его волшебной домбры, забыв обо всем на свете...

* * *

Наконец они встретились: младший космонавт, молча вставший на пути спешащего к высоте Санджара, и мальчик, занятый одной мыслью познакомиться с таинственными пришельцами. Когда Санджар поднял голову, он отпрянул назад, но вскоре, хорошенько рассмотрев гостя, почувствовал

безошибочным детским инстинктом, что опасаться нечего, и первым обратился к нему с приветствием:

— Здравствуй!

Белый цвет на «чалме», как про себя окрестил Санджар шлемообразную верхушку, сменился нежно-голубым, и, осторожно нажав на кнопку пояса, космонавт ответил тоже:

— Здравствуй!

— Ты понимаешь по-нашему? — обрадовался Санджар. — Вот хорошо! Значит, будем дружить, да?

«Чалма» завибрировала, меняя оттенки, затем голос, идущий из аппарата, расположенного на поясе, медленно ответил:

— Хорошо!

— Дедушка мне самокат купил. Самый лучший! На нем даже звонок есть. Пойдем, покажу! — заторопился Санджар, озабоченный тем, что бы такое показать своему новому другу. Кивнув ему головой, он медленно пошел вниз, потом, убедившись, что гость тоже двинулся за ним, кубарем покатился по нежно-зеленому холму, объятый восторгом.

«Покажу Долговязого (он успел дать космонавту прозвище) Анвару и Ойбеку, они рот откроют от удивления! — думал он на бегу. — Мы с ним придумаем какую-нибудь игру, такую, в которую никто еще не играл!» — Ой, а ты откуда? — спохватился он, забыв, что даже не спросил, откуда прилетела «тарелка». — Наверно, с Марса?

И, не дождавшись ответа, снова побежал, петляя в зарослях кустарника, куда ребяташки кишлака обыкновенно приходили играть в свои игры. Санджар тоже несколько раз приходил сюда, но его не принимали в игру, говорили, что он маленький, что у него есть плохая привычка — играть не по правилам. Это было правдой, но Санджар просто не мог слепо подчиняться установленным нормам — он додумывал и вносил в игру что-то свое...

Наверное, поэтому он с таким восторгом, не задумываясь и не осторожничая, принял в друзья «марсианина» (так он тоже

решил называть гостя). Что с того, что «марсианин» меняет окраску и вместо головы у него шлем? Интересно, что за светящиеся кнопки на поясе? Санджар про себя решил, что он обязательно потрогает их — чуть попозже, когда он познакомит гостя с бабушкой, которая одна только и осталась в доме. А жалко, что мама и тетя ушли в гости!

Космонавт проследил, куда бежит мальчик, и ждал его у входа в кишлак. Запыхавшийся Санджар пролетел мимо, только махнул рукой: «Догоняй!» И Долговязый, стараясь держаться поближе, плыл вслед за мальчиком, словно и впрямь догонял его. Они уже были на ровной асфальтированной улице, по обеим сторонам которой выстроились дома, обсаженные тутовником, вишней, урюком и яблонями, которые только начинали расцветать. Тонкий аромат цветов плыл над кишлаком. Возле одного из домов Санджар остановился:

— Прибыли! Вот запомни: наш дом — двадцать шестой номер!

Пробежав по плиткам, уложенным до самого крыльца, он влетел в дом.

— Бабушка, бабушка, смотрите! Я привел гостя! С Марса!

Старая женщина подняла измученные, тусклые глаза. Ей показалось, что внук произнес «из Москвы».

— Какой же ты молодец, что привел гостя в наш дом, — произнесла она, вновь закрывая глаза. — Веди его в комнаты.

Отдохнув немного, она заговорила вновь:

— Позови соседку, пусть Мастура накроет на стол. Арбузов попробуете, дынь — они еще сохранились. Есть и сушеные. Видишь, внучек, не могу встать. Ты ему скажи, что я больная, потому не могу сама принять гостя.

Космонавт внимательно вслушивался в то, что говорила бабушка Санджара. В руке у него незаметно появился круглый зеленоватый прибор, слабо мерцавший серебром, словно он был налит ртутью. Почти в то же мгновение на противоположной стене заструилась длинная черная спираль, словно свитая из

множества дышащих пульсирующих волокон, и тонкий зеленоватый луч протянулся из прибора к лежащей женщине, а от нее — на стену. Спираль на стене начала раскручиваться, космонавт следил за нею, и Санджар, открывший рот, чтобы спросить, что это такое, тоже застыл, глядя то на стену, то на бабушку. Вдруг изображение на стене застыло, еще более увеличилось, и стало видно, что одно из волокон, тонкое, словно волос, порвано. Гость нажал кнопку, что-то вспыхнуло на месте разрыва, и спираль так же медленно стала закручиваться вновь. Потом изображение погасло, спираль исчезла, а космонавт, медленно выговаривая слова, сказал Санджару:

— Сейчас она встанет.

И точно: бабушка оцепенело смотрела на свою руку, которая в течение долгого времени была неподвижной, а сейчас, словно помимо ее воли, крепко ухватилась за край кровати. Так же растерянно подняла бабушка и другую руку, затем повернулась в кровати и села.

Взгляд ее, тусклый и безнадежный, стал осмысленным, острым.

— Что это со мной, внучек? — спрашивала она, ощупывая постель. — Я сижу. Я двигаюсь! — Она опять задвигала руками и ногами. — А может, это во сне? — произнесла она нерешительно. — Зови деда, внучек. А то я себе не верю.

— Да нет же, бабушка! — закричал Санджар, подбегая к ней. — Ты выздоровела! Выздоровела! Это наш Долговязый сделал! Это он! Пойду деду скажу, получу от него суюнчи!³ Пойдем!

Он пулей выскочил за дверь, снова помчался по дороге. Аэрти, спрятав прибор, исчез так же незаметно, как и появился, последовав за своим неугомонным знакомцем, чьи эмоции и поведение неустанно анализировали приборы, чтобы выдать впоследствии модель поведения земного ребенка. Санджар, пожалуй, лучше других соответствовал цели, которую ставили

³ Суюнчи - подарок за радостную весть.

перед собой гости с другой планеты, изучая стереотипы поведения землян в тех или иных условиях. Здоровый, неугомонный, жизнерадостный мальчик воплощал в себе живой и острый ум, готовность исследовать все непонятное, и непосредственность, с которой он это делал, заставляла предполагать, что дерзость и риск, видимо, в большей мере присущие взрослым землянам, рано или поздно заставят их выйти за пределы Солнечной системы.

* * *

Говоря языком древних восточных поэтов, *«ангел вдохновения продолжал держать в своих объятиях»* Кадыр-бахши. Страдания Алпамыша зажгли на его глазах слезы. О слушателях и говорить нечего: мертвая тишина царила вокруг, тишина, которая лучше любых слов говорит о том, какую власть над человеческими сердцами имеет настоящее искусство.

И только когда кончился дастан, холмы и лужайка огласились аплодисментами, криками: «Молодец, Кадырбай!» Певец, положив на ковер свою домбру, вытирал вспотевший лоб платком, грудь его тяжело вздымалась.

Именно в этот момент Санджар, не найдя деда, подлетел к отцу, который в числе других всадников участвовал в улаке:

— Папа, я видел «тарелку»! Долговязый с Марса вылечил нашу бабушку! Бабушка выздоровела! А потом он взял меня за руку, и я полетел с ним по небу!

— Успокойся, сынок. Иди ко мне.

Оторвав мальчика от земли, отец посадил его к себе на лошадь. Но так как Санджар продолжал кричать, отец, достав конфету, протянул ее сыну:

— Не болтай глупостей! Бегаешь целый день, вот и перегрелся, а теперь тут сказки рассказываешь!

Санджар хотел было возразить, но большая шоколадная

конфета пахла так вкусно, а он любил сладкое больше всего на свете и потому на некоторое время забыл обо всем. Когда же вспомнил о своем новом друге, то нигде его не нашел, только на вершине тибетейкообразной горы опять дымилось белое облако, скрыв и «тарелку», и гостей с другой планеты.

Санджар, сидя на лошади, видел, как поднялось белое облако и, все уменьшаясь в размерах, взмыла в небо плоская ракета, все больше становясь похожей на звезду.

Начинался второй тур улака, всадники опять строились, горяча коней, а зрители усаживались поудобнее, чтобы видеть своих любимцев, подбадривать их криками и возгласами.

Космонавты покидали пределы Солнечной системы.

— Как ты думаешь, что это было? — спросил один из них, обращаясь к своему коллеге.

— Не знаю. Помнится, кто-то из стариков говорил, что когда-то такое было и у нас, но потом Совет Безопасности запретил: слишком много эмоций уходило напрасно.

— Как они это называют? Дастаны? А знаешь, — после долгой паузы проговорил он вновь, — когда я стоял там, подключенный к их восприятию, я чувствовал себя так, словно меня обмывают волны уэррополя, нет, гораздо лучше! Определенно, в этих дастанах что-то есть!

— Да, что-то в них есть, — согласился второй космонавт. — Но пусть об этом выскажет свое мнение Совет Безопасности.

* * *

А на Земле возле одного из горных кишлаков все продолжался шумный и веселый праздник навруз-байрам — праздник первого дня весны.

Перевод с узбекского Ольги Ипатовой

ПРОФЕССОР ЖАВХАРИ

«Жавхари — убийца!» — такие заголовки в тот день запестрели во многих газетах.

«Известный ташкентский космонавт — профессор Жавхари, возвращаясь из очередного космического рейса, прямо в пути выстрелил в своего молодого коллегу, космонавта Али Эшбаева!»

«На вопросы о причине, побудившей к преступлению, профессор ответил коротко:

— Я готов предстать перед международным судом... Али Эшбаев виновен в страшном злодеянии!»

Самосуд — в XXXIII веке?!»

...Сообщение о предстоящем суде взволновало многих. Профессора космохимии Жавхари любили и уважали. Когда ему было еще девятнадцать, во время первого космического полета он совершил подвиг и был награжден. С тех пор, многие годы посветив космохимии, он прославился и научными открытиями. Не верилось, чтобы такой человек мог поднять руку на товарища, убить человека. Что же такое сделал молодой космонавт?

Большой зал международного суда был переполнен. Те, кто не смог попасть в зал, сидели у домашних видеофонов. В зале царил тишина, ставшая особенно ощутимой после того, как на сцену вышли профессор Жавхари и судейская коллегия. Жавхари выглядел постарше всех, его стройная, высокая фигура в сером пуловере была чуть, согнута. Чувствовалось, что смерть молодого космонавта потрясла его. И все же, когда, изложив суть дела, председатель суда обратился к Жавхари с традиционным вопросом: «Признаете ли вы себя виновным в убийстве

космонавта Али Эшбаева?», в голосе его прозвучала неожиданная твердость:

— Да, признаю. Но каждый честный человек, нахо« дись он вместе с нами, вряд ли смог бы выдержать...

— Мы ждем от вас объяснения!

Профессор выступил вперед. Слегка побледнев от волнения, он начал рассказ...

Межзвездный корабль «Электрон» совершил посадку на маленькой планете, затерянной в необозримых просторах Вселенной. Космонавты знали — здесь есть жизнь, но, выйдя из корабля, Али Эшбаев удивленно присвистнул: редко приходилось видеть такое разнообразие красок, такое богатство растений. Алые, желтые, нежно-лиловые верески, кусты с тончайшими, извивающимися листьями, нежные облака крон, казалось, плывущие в лучах голубого света,— все вместе это создавало незабываемую картину.

— Профессор, посмотрите! — крикнул он.— Здесь видны следы животных. А вон там озеро. Неужели вода? Хотелось бы попить такой, какая в нашем родном кишлаке— там всемирно известный родник.

— Сейчас оборудуем базу — пожалуйста, иди на разведку,— ответил, выходя из корабля, Жавхари. Он тоже остановился, ослепленный небывалой красотой.— Удивительная природа! — только и произнес он.

— За восемь месяцев мы узнаем ее! — Али прошелся по мягкому голубоватому мху.— Хорошо, что ее путь совпадаете нашим!

Космонавты не сразу приступили к работам, словно сам воздух — мягкий, томительно нежный, располагал к лени. Наконец они взялись за устройство базы. Из корабля вынесены были щиты разборного домика, установлены приборы. Прежде чем двигаться в путь, космо-навты должны были провести дополнительные наблюдения. Путь к одной из больших планет, богатых иридием, был еще не изучен, к тому же пребывание на

планетке должно было сэкономить горючее, поскольку его орбита совпадала с курсом, по которому должен был двигаться «Электрон».

После того, как был установлен домик, Жавхари решил прилечь. Он чувствовал себя усталым. Сказывались возраст, напряженная научная работа, которой он занимался в последний год особенно неистово, словно пытаясь обогнать годы. Али Эшбаев облачился в легкий дорожный скафандр, достал газерный пистолет.

— Этой штукой надо пользоваться очень осторожно, дорогой Али,— заметил профессор.— Только в случае явной опасности. И такой, от которой заведомо не спасет ваш стайерский бег.

— Все будет в порядке, профессор!

Насвистывая, Али отправился в путь. Он шел осторожной, кошачьей походкой человека, осознающего опасность и готового к ней. Эшбаев совсем недавно окончил Академию космонавта, и он хорошо помнил предостережения преподавателей, большинство из которых были опытными космонавтами и видели на своем веку немало самых разных неожиданностей. Но из многих рассказов Али усвоил и другое: выживает только храбрый, только сильный или хитроумный! Потому забота профессора Жавхари о сохранении животного и растительного мира на планетах, забота, которая проскальзывала в каждом слове профессора, казалась Али пре-увеличенной. И он был полон решимости поближе познакомиться с обитателями таинственной планеты, куда до сих пор забирались лишь единицы.

Вот почему, увидев возле огромного, похожего на земной дуб дерева стайку существ, отдаленно напоминающих крыс, Али, не задумываясь, вытащил газерный пистолет. Уже стреляя, он заметил, как к крысам подбирается странное существо с туловищем лйсицы и короткими клинковыми рогами, как у барана. Существо метнулось в сторону, но, наклоняясь над «крысами», Али видел сквозь голубовато-желтую листву

неподвижно блестящие глаза, которые, казалось, только ждали, пока человек уйдет.

— Что, дружище, я заготовил тебе порядочно добычи? — посмеивался Али, наблюдая за «бараном».

Он внимательно рассмотрел «крыс». Покрытые рыжим пушком, красиво блестящим под лучами голубого светила, они оказались более похожими на ондатр. Удовлетворив любопытство, Али весело зашагал дальше. Оглянувшись через некоторое время, он увидел, как «баран» жадно пожирает добычу.

«Не отравится ли он?» — подумал Али, но через минуту забыл обо всем, увлеченный игрой света на огромных лианах. _

Шаг за шагом он открывал на стероиде все новые и новые достоинства. Вода в озере, к которому он подошел спустя некоторое время, была отменной: холодная, кристально чистая, она утоляла жажду уже после нескольких глотков. Али, утомленный, возвращался в лагерь в полном восторге от всего увиденного.

— Ну, как первая прогулка? — спросил его профессор.

— Прекрасно! — искренне ответил Али.

О «крысах», убитых им лазерным пистолетом, он промолчал. Да и к чему было рассказывать Жавхари об этом пустяке?

Второй раз Али нарушил запрет профессора уже перед самым отъездом.

Придя утром на озеро, чтобы, как обычно, выкупаться перед работой, Али неожиданно увидел там несколько существ, похожих на дельфинов. Они резвились, подпрыгивая высоко в воздух, издавая мелодичные, похожие на звуки флейты, крики. Наверное, увлеченные танцем, они забыли обо всем, и Али удалось подойти к берегу незамеченным.

«Как это я ни разу не заметил их здесь? — подумал он с неожиданной досадой.— Значит, они так ловко прятались, что могли и вовсе остаться незамеченными?»

Рука его как бы сама собой потянулась к пистолету...

Голубые воды озера окрасились кровью. Наблюдая, как жадно бросились к убитой рыбе остальные, юноша вздрогнул. Недоброе предчувствие овладело им. Но он тут же постарался отогнать его от себя. Разве в природе ежедневно не происходит подобного — сильный пожирает более слабого? А если рыба отравлена газерным излучением, то здешняя природа достаточно сильна, чтобы справиться с отравой. Разве не так?

Он еще раз оглядел холмы, ослепительно сияющее озеро... Все было так, как и обычно. Но внезапно Али Эшбаеву стало холодно: показалось ему или впрямь поредела небольшая рощица возле огромного валуна? И там, за дальним холмом; не наклонилось ли уже почти безжизненное дерево к земле — то такое могучее дерево, которым он любовался, приходя сюда каждое утро?

Он поспешно ушел к домику. И опять ничего не сказал профессору Жавхари...

А вскоре «Электрон» взвился ввысь, оставляя планетку далеко в стороне. В последний раз глядя в иллюминатор на шар, медленно уплывающий вдаль, профессор Жавхари заметил:

— Здесь можно ожидать и появления разумных существ. Редко встретишь такое великолепное сочетание природных условий!

Али ничего не ответил. Он занимался наблюдениями, и почему-то ему не хотелось глядеть на маленькую планету, где прошли такие тихие и вместе с тем прекрасные дни работы и отдыха, когда он часами лежал, глядя в синее-синее небо, по которому медленно плыло голубое светило — ласковое, теплое...

Через три года «Электрон», возвращаясь на Землю, вновь сделал остановку на планетке.

Когда профессор вышел из корабля, он невольно отшатнулся: безжизненная серая пустыня простиралась до самого горизонта, и только черные унылые барханы медленно струились измельченным песком, больше похожим на пыль... Нигде не было видно ни дерева, ни кустика; только у самого днища корабля

профессор заметил клочки того же, как пустыня, серого сухого мха.

— Что это? — невольно воскликнул он.

Али вышел вторым. Он замер, глядя вперед, потом невольно отступил, словно желая скрыться, исчезнуть где-нибудь подальше от профессора, от его полного смятения голоса.

Жавхари заметил поспешное движение своего молодого коллеги. Он встрепенулся, поспешил вслед за Али в рубку корабля.

— Скажите правду — вы применяли оружие на планетке?

Взгляд Жавхари мог выдержать не каждый. Эшбаев отвел глаза, побледнел.

В самом деле — не зря его предупреждали о страшных последствиях применения лазерного луча. Но ведь на других планетах это не вызывало нарушения экологического равновесия. Почему же такое случилось здесь, да еще в его первый космический вылет? Слов для оправдания не было. Страшная болезнь, поразившая «барана», который съел отравленных «крыс», вызвала эпидемию среди животного мира. Эпидемия оказалась смертельной и для прекрасной природы планетки...

Он хотел раскаться, но язык не повиновался ему. И вместо жалких, смиренных слов Али с ужасом услышал свой голос, в котором звучали заносчивые, петушиные нотки:

— Подумаешь, планетка! Если вы об этом никому не расскажете на земле, никто и не узнает!

У Жавхари потемнело в глазах. Не помня себя, он закричал во всю силу голоса:

— Вы понимаете, что наделали?! Вы убили планету! Планету!!!

Али готов был расплакаться. Но какая-то злая, упрямая сила выдавила из него:

— Ну и что?

Это были его последние слова. Жавхари метнулся к кабинету, схватил пистолет.

И только увидев, как медленно стал падать на пол рубки Али Эшбаев, Жавхари пришел в себя...

Когда он закончил рассказ, люди, собравшиеся в зале суда, некоторое время молчали. Потом в зале возник легкий шум. Каждый думал о том, как поступил бы он в подобной ситуации.

— Коллегия Международного суда уходит на совещание! — громко сказал председатель.

Члены коллегии встали и торжественно направились в отдельную комнату, стараясь не смотреть на людей в зале, которые как будто сжались в тяжелом, мучительном ожидании...

Перевод Г. Прашкевича

НАСЛЕДСТВО

— Абу Райхон! Я — Первый. Как меня слышите? Прием!

— Первый! Первый! Я — «Абу Райхон»! Слышу вас хорошо. Что нового? Прием.

— Светящееся пятно исчезло.

— Как исчезло? Когда?

— Несколько минут назад я вошел в атмосферу планеты, повис точно над пятном, сориентировал корабль и начал снижение. Не успел опуститься на две сотни метров, как пятно исчезло.

— Что сейчас под вами?

— Сейчас вокруг корабля плотный слой облаков.

— Первый! Будьте осторожны!

— «Абу Райхон»! Корабль пробил облачность. Высота — пятнадцать тысяч метров. Вижу поверхность планеты. Преобладают красные, багровые, коричневые тона. Дух захватывает! Поверхность планеты покрыта густым растительным покровом.

Пауза.

— Первый! Первый! Что с вами? Отвечайте!

И тут же взволнованный голос пилота-разведчика Шахбоза Муратова:

— «Абу Райхон»! Вижу искусственное сооружение большой высоты! Вижу искусственные сооружения!

— Спокойно, Первый, спокойно! Опишите их.

— Подо мной город! Настоящий город! Вижу цилиндры правильной формы, поднимающиеся на высоту до километра. Цилиндры представляют собой как бы ствол зданий с диаметром у основания не менее шестидесяти-семидесяти метров. На разных уровнях от вертикального ствола отходят горизонтальные ветви

длиной 150–200 метров. Ветви оканчиваются утолщениями, напоминающими вогнутую чашу. Эти ветви поднимаются от основания ствола до его вершины по спирали. Здания расположены группами. В центре каждой группы вижу сооружения других форм — шарообразные, призматические, прямо угольные. Все вокруг покрыто растительностью, даже стены и крыши зданий. По-видимому, это сады и парки.

— Первый! Что видите на месте светящегося пятна?

— Вижу черный круг правильной формы диаметром два-три километра. Кажется, это единственное место на всей обозримой площади, свободное от зарослей. Ах, черт возьми!

— В чем дело, Первый?

— Прошу простить! Вырвалось. Высота две тысячи метров. На ближайшем здании вижу явные следы повреждений.

— Каков характер повреждений?

— Надо подойти поближе к зданию. Включаю боковую тягу.

— Первый! Максимум осторожности! Еще раз проверьте силовую защиту.

Небольшая пауза. И снова взволнованный голос Муратова, к которому на этот раз примешиваются и тревожные нотки:

— «Абу Райхон»! Я — Первый! Нахожусь поблизости от спирального здания. Нет здесь ни парков, ни садов. Здание окружено густыми дикими зарослями. Множество трещин... Обвалившиеся углы, провалы...

— Первый! Можно ли предположить, что повреждения нанесены в результате военных действий?

— Нет! — уверенно отвечал Муратов. — Нет! Впечатление такое, будто здание обветшало от времени. Повсюду многолетний слой пыли. Соседние дома в таком же состоянии. Если это и город, то мертвый...

— Первый! Сообщите, что представляет собой черный круг?

— Одну минуту.

Пауза.

— «Абу Райхон»! Я — Первый. Нахожусь над кругом. Круг представляет собой обыкновенную грунтовую площадку, к которой подступают густые заросли. Непонятно, почему площадка тоже не заросла лесом.

— Нет ли на ней каких-либо устройств?

— Нет.

— Пней, поваленных деревьев?

— Абсолютно ничего. Голый грунт. Словно бы землю недавно пахали.

— Есть борозды?

— Нет. Но поверхность рассыпчатая. Товарищ командир, разрешите посадку. Если я сяду в центре круга, то у меня будет отличный обзор, и в случае чего я успею взлететь. Анализаторы взяли пробы воздуха. Все в норме. Радиации нет.

Недолгая пауза. Затем решительный голос командира звездолета «Абу Райхон» Жукова:

— Добро, Шахбоз. Посадку разрешаю!

Первый сигнал со звезды Кори был принят одним из зондов в районе Плутона. Вслед за первым сигналом поступил второй, а затем через равные интервалы еще и еще. Все говорило о том, что сигналы искусственного происхождения.

Символы, которыми записывались сигналы, четко делились на две группы. Расшифровав их, ученые установили, что это указание на некую звездную систему с пятью планетами. Далее шли условные обозначения живых существ, обитающих, видимо, на второй планете, некоторых химических элементов, ряда математических функций.

Вторая группа символов была почти точной копией первой. Знаки располагались в той же последовательности и с теми же интервалами. Отличие было одно: во второй группе отсутствовало указание на существование разумных живых существ.

Возникло предположение, что ученые что-то напутали. Видимо, группы символов необходимо поменять местами, то есть перевернуть матрицу. Тогда получится, что цивилизация Кори дает знать о своем возникновении на второй планете этой звездной системы.

Нет, решительно возражали лингвисты. Матрицу можно составить только единственным образом. Именно так, как она составлена. Попытка перевернуть ее приведет к полной бессмыслице, так как при этом все символы сместятся и изображение рассыплется. Не надо спорить о форме матрицы. Надо объяснить уже полученный результат.

Но главным было то, что земляне узнали наконец: они не одиноки в космосе.

Три века назад человечество вырвалось за пределы солнечной системы. Были исследованы окрестности ближайших звезд. Были найдены новые способы перемещения в пространстве. Человек смелее шагнул к далеким светилам.

Как отдельный человек не может жить без общения с себе подобными, так и целые цивилизации на определенной стадии своего развития испытывают острую потребность во взаимных контактах. Человечеству уже было тесно в старых границах. Оно рвалось в обитаемый космос.

Вот почему весть о сигналах с Кори была встречена огромным энтузиазмом. Вскоре началась подготовка к межзвездному перелету.

И вот звездолет «Абу Райхон» в окрестностях звезды Кори. Пилот-разведчик, молодой космонавт Шахбоз Муратов ступил на чужую планету.

Еще до его старта со звездолета на планете было обнаружено светящееся пятно — единственный ориентир в сплошном лесу.

Куда же оно могло исчезнуть?

— «Абу Райхон»! Я — Первый, — докладывал Муратов через несколько минут после посадки, — в лесу началось какое-то движение...

— Точнее, Первый!

— Между стволами деревьев мелькают неясные тени, вздрагивают ветки... Слышу вроде бы топот... будто идут по опавшим листьям... Ага, вот! Из чащи выползает какая-то серая масса. Медленно движется в мою сторону.

— Первый! Будьте готовы к экстренному взлету. Усильте напряженность защитного поля!

— Есть!.. Движение массы прекратилось. От нее отделился тоненький ручеек и потек к моему кораблю... довольно быстро. Ага! Кажется, он не однороден. Вот я уже различаю... Да! Идет целая вереница не то муравьев, не то жуков.

— Опишите их подробнее!

— Передний жук уже метрах в сорока от корабля. У него сферическая спина, на которой четко выделяются три белых круга. Передвигается с помощью шести лап или ног. Вместо головы полусфера поменьше, из которой торчат длинные усики...

— Каковы размеры жука?

— В длину он чуть меньше метра. Высота — сантиметров сорок, но при ходьбе он кажется выше... Да, он не ползает, а ходит. Шагает, и очень быстро. Корпус у него серого цвета, лапы черные...

— Значит, жуки. Планета населена огромными насекомыми, так?

— Мм... Не думаю, что это насекомые...

— Почему?

— Судя по здешней атмосфере, сильные грозы тут не редкость. Значит, насекомые или вообще живые существа знакомы с молнией и с той опасностью, которую таит ее удар. Они боятся молнии, боятся огня, как и всякая органическая жизнь. Я же при посадке пользовался тормозными двигателями, то есть подо мной бушевало пламя. Не думаю, чтобы нашлись

животные или насекомые, у которых любопытство победило бы инстинктивный страх перед огнем. К тому же... это, разумеется, чисто субъективно... движение жуков кажется мне очень рациональным.

— Не хотите ли вы сказать... что перед вами разумные существа?

— Н-не думаю. То есть я бы мог поверить в разумных серых жуков, — как тогда объяснить заброшенный город? Зачем жукам спиральные громадины?

— Не очень убедительно, но согласиться можно. Что же остается?

— Остается допустить, что это машины. Киберы.

— Гм... Шестилапые киберы?..

— Только такие и годятся для такой планеты. Видели бы вы здешние заросли! Передвигаться в них на колесах невозможно. Только шагающий кибер сможет продрасться через чащу. А для шагающего механизма оптимальное число точек опоры — шесть.

— Итак, по-вашему выходит, что кто-то создал жуков-киберов, предвидя, что планета зарастет джунглями?

— Я не утверждаю этого. Но почему бы не предположить такой вариант: некогда созданные людьми киберы переродились и внезапно уничтожили человечество. Тогда все сходится: заброшенный город, заросли...

— Что сходится? А сигналы? А светящееся пятно? Ведь не просто так горело оно несколько часов подряд. Ведь явно кто-то давал нам знать о себе. А круг, на который вы сели?

— Других соображений у меня нет.

— У нас, к сожалению, тоже. Но будем надеяться, что скоро, с вашей помощью, они появятся. Ну хорошо. Оставим пока этот разговор. Что делают жуки?

— Передний замер в двадцати метрах от корабля. Остальные выстроились в две ниточки до самого леса и тоже не шевелятся.

— Не спускайте с них глаз. Что показал анализ грунта?

— Обыкновенный грунт первой категории. Суглинки...

— А химический состав? Можно чем-нибудь объяснить недавнее свечение круга?

— Может, пожар?

— А что...

— Внимание! Серая масса снова пришла в движение. Это скопление жуков. Неясный шорох, который я слышал до сих пор, перерастает в треск и шум. Что это?! Серая масса вгрызается в лес, оставляя за собой полосу... Они делают проход, коридор...

Пауза.

— Невероятно! Коридор за какие-то минуты настолько углубился в лес, что я уже не вижу деревьев в его дальнем конце. Серая масса исчезла. Две шеренги жуков, стоявших на площадке, перестроились, образовав коридор. Вот со стороны леса показался какой-то крупный предмет... Двигается в мою сторону... Вот он уже на площадке. Похоже, что это тележка на воздушной подушке... Похоже, меня приглашают в гости... «Абу Райхон»!

Ответа не было.

— «Абу Райхон»! «Абу Райхон»!.. — Муратов кричал в микрофон еще несколько минут.

Ответа по-прежнему не было. Связь прервалась.

Передние жуки пришли в движение. Они столпились у тележки, образовав узкий проход.

«Что же случилось, — размышлял Муратов, наблюдая за их маневрами, — с «Абу Райхоном», конечно, ничего не могло произойти, — успокаивал он сам себя, — звездолет достаточно удален от планеты, к тому же он обладает сверхмощной защитой. Вероятно, все дело в облаках. Теперь они вдруг начали экранировать радиоволны...»

Он оторвался от приборов, встал, прошелся по узкой кабине.

А может быть, это к лучшему, что связь прекратилась? Ведь теперь в сложившейся ситуации он имеет право принимать самостоятельные решения. Три века, три долгих века человечество ищет в космосе собратьев по разуму. И вот, кто

знает, может быть, теперь только пространство шлюз-камеры отделяет представителя Земли от желанной встречи?

Муратов искал и не находил объяснения тому, что видел. Но чувствовал, что и светящееся пятно, и густая облачность, и странные жуки — все было связано воедино. Тележка стояла рядом и ждала его.

Шахбоз еще раз попробовал выйти на связь:

— «Абу Райхон»! «Абу Райхон»! Я — Первый!..

По-прежнему ответа не было.

Тогда он проверил герметичность своего скафандра, записал на магнитофон несколько фраз, подключил его через реле к передатчику и решительно направился в шлюз-камеру.

Грунт под ногами был мягкий, он слегка прогибался и пружинил. Шахбоз намеревался произнести что-нибудь торжественное, приличествующее моменту, но вместо этого вдруг по-мальчишески спросил:

— Эй! А вы не кусаетесь?

Жуки безмолвствовали, стоя неподвижно вокруг тележки.

Он прошел по узкому проходу, стараясь не касаться их усиков.

Тележка была невысокой — не больше метра. Несколько ступенек вело на ее платформу. Шахбоз поднялся, поискал взглядом, на что можно сесть, и вдруг почувствовал, что опускается в мягкое кресло. Локти лежали на удобных валиках, но когда он провел рукой, пытаясь определить форму кресла, скрытого как бы белым маревом, то не обнаружил ничего.

Ему сделалось хорошо и спокойно. Он вытянул ноги и закрыл глаза. Сквозь приятную дремоту услышал легкий шум, догадался, что тележка тронулась с места.

Когда Шахбоз открыл глаза, вокруг был полумрак. Он по-прежнему лежал на тележке, утопая в белом мареве. Тележка стояла в узком и длинном коридоре, стены которого были выложены из серых кубов. На поверхности каждого куба виднелось множество отверстий, расположенных группами в

виде матриц. Некоторые отверстия светились багровым светом. Потолка Шахбоз не видел, но ощущал, что находится в закрытом помещении.

Он резко поднялся и спрыгнул на пол. Тотчас же откуда-то сверху полился приятный неяркий свет. Тележка покатила прочь по длинному коридору. Низкий негромкий голос произнес:

— Не беспокойтесь. Вы в полной безопасности.

— Где я?

— Вы находитесь в Кибернетическом центре.

— Кто со мной говорит?

— Звукоподражающий модулятор Кибернетического центра.

— Откуда вы знаете наш язык?

— Для усвоения вашего языка центру достаточно было проанализировать запись ваших переговоров со звездолетом.

— Что со звездолетом? Почему прекратилась связь?

— Звездолет в безопасности. Правда, еще несколько часов экипаж не будет иметь известий о вас. Причины этого сообщим позднее.

— Кто прервал мою связь со звездолетом?

— Кибернетический центр.

— Почему вы все время говорите о Кибернетическом центре?

Где ваши люди?

— Людей на планете нет. Все люди вымерли.

— Как — вымерли?

— Вымерли в Век Большой Смерти!

— Вымерли... в Век... Большой Смерти?!

— Да.

— Все до последнего человека?.. Неужели это возможно?

— Сейчас вы сами увидите.

Мягкий голубоватый свет, льющийся откуда-то сверху, погас, но тотчас же вспыхнул рубиновый, яркий, ослепительный. Шахбоз прочно стоял на сероватом полу, поглядывая на переливающиеся огоньки в отверстиях кубов, но одновременно

появилось ощущение, что он стремительно летит по темному тоннелю.

И вдруг... вдруг он снова увидел город, спиральные башни, шары, но не мертвые и заброшенные, а цветущие, полные жизни и света.

Отдельные группы зданий соединились широкими дорогами, по которым проносились каплевидные автомобили. В небе виднелось множество летательных аппаратов. Шахбоз заметил, что садятся эти аппараты в чаши, которыми заканчивались горизонтальные ветви зданий.

Он догадался, что эти ветви — жилища людей Кори. В каждую квартиру можно было попасть на автомобиле через вертикальный ствол по системе лифтов и транспортеров. Кроме автомобиля, в каждой квартире, по-видимому, было гнездо для аппарата, напоминающего вертолет.

Но как ни интересен был необычный город, не на нем сосредоточилось сейчас внимание Шахбоза.

Внизу, у основания цилиндра, он увидел множество человеческих фигур, Однако они были далеко и рассмотреть их подробно не удавалось. Вот если бы поближе!

Не успел он подумать об этом, как оказался прямо против корианца.

У него была продолговатая голова, вытянутая к подбородку. Глаза — два широко расставленных выпуклых овала — давали, вероятно, чуть ли не круговой обзор. Рот, лишенный губ, был велик, нос широк и сплюснен, кожа красноватая и безволосая. Росту в корианце было метра четыре.

Он был по-своему красив и гармоничен. Не по земным стандартам, разумеется. Но, глядя на него, Шахбоз понимал, что совершенство форм многолико, и был горд за человечество вселенной, ибо даже при беглом взгляде в корианце угадывались ум и сила.

«Но ведь они вымерли! — вдруг спохватился он. — Этих четырехметровых гигантов не существует более в Галактике! Что с ними могло произойти?»

Тут же он очутился в огромном призматическом здании. Было понятно, что он попал в научную лабораторию. Он видел множество приборов и прозрачных сосудов, наполненных разноцветными веществами.

Грозного вида корианец взбалтывал какую-то колбу. Затем он взял прозрачную пластинку, капнул на нее капельку жидкости из колбы и установил под микроскопом. Несколько минут он стоял неподвижно, затем, словно решившись, взглянул в окуляр. Когда он оторвался от микроскопа, от его недавнего грозного вида не осталось и следа. Он рассмеялся, затем начал раскачиваться, будто танцуя. В помещение вошли другие люди. Они с удивлением посмотрели на коллегу, окружили его...

— Это группа ученых Медицинской Академии, — услышал Шахбоз тот же негромкий голос. — Сейчас они радуются, потому что им удалось впервые выделить в чистом виде антиген, препарат, способный продлить жизнь до тысячи лет. Увы, это открытие не принесло счастья...

Новое видение.

По всепланетной информационной системе сообщается об открытии антигена. Корианцы потрясены открывшейся перед ними перспективой, Тысяча лет жизни! Сколько можно успеть сделать за тысячу лет?!

Еще одна картина.

Все медицинские учреждения перешли на прививки антигена. Вот первые счастливицы! Первые корианцы, которые будут жить тысячу лет!

Прививки антигена словно бы подхлестнули энергию корианцев. Они почувствовали себя моложе. Можно было строить самые смелые планы на будущее. Пьянящая волна восторга и радости прокатилась по планете.

Тогда забили тревогу социологи. Они показали, что будет при сохранении нынешнего уровня рождаемости: уже через несколько веков население достигнет критической величины, и тогда окажутся исчерпанными все ресурсы планеты.

Пройдя все стадии своего становления, испытав голод, войны, эпидемии, народ Кори добился наконец права жить долго и счастливо. И вот — снова ужасная перспектива...

Возможно, открытие антигена было преждевременным. Возможно, если бы корианцы вышли за пределы своей звездной системы и начали осваивать другие миры, возможно, тогда перед ними не встала бы проблема ограничения. Но, увы! Полеты в космос только начинались. К моменту открытия антигена корианцы сумели посетить лишь ближайшие планеты и убедиться в невозможности жить на них. Мертвые космические тела надо было еще осваивать, прежде чем говорить о массовом переселении на них.

Сумеют ли корианцы сделать это за несколько веков? Ибо только несколько веков благоденствия гарантировали социологи. А потом — ограничения, запреты, голод, агония...

Давно уже старая планета не видела таких яростных споров, такой борьбы противоречивых взглядов. Положение осложнялось тем, что значительной части населения уже был введен антиген. О запрете на дальнейшие инъекции сейчас не могло быть и речи. Несколько дней и ночей заседал Высший Совет Кори.

Наконец он выработал основные принципы возникшей проблемы:

— Никто не наделен властью ограничивать продолжительность человеческой жизни.

— Резкое увеличение продолжительности жизни не должно отразиться на удовлетворении потребностей корианцев.

— Все перечисленное может быть достигнуто только за счет ограничения рождаемости.

Опираясь на основные принципы, Совет принял решение:

— Прививки антигена должны быть незамедлительно сделаны всем людям преклонного возраста.

— Медицинской Академии поручается в течение трех лет разработать безопасные способы временной стерилизации.

— В дальнейшем производить прививки антигена всем жителям планеты одновременно с их временной стерилизацией.

Таким решением, кажется, были удовлетворены все. Правда, порой раздавались предостерегающие голоса, но к ним почти не прислушивались. Надежда прожить долгую счастливую жизнь, как защитный экран, отбрасывала любое другое мнение.

Целых два года планета жила новостями из Медицинской Академии. Два года — ровно столько понадобилось ученым, чтобы решить поставленную задачу.

В Академии работали честные и опытные корианцы, но и они спешили, потому что и они находились под гипнозом сказочной возможности прожить тысячу лет.

И настал торжественный день, когда последнему гражданину был введен антиген. Этот день стал одним из самых великих в истории Кори. Предлагалось даже с него начать новое летосчисление.

Прошли еще годы, вдохновение и радость сменили другие чувства. Что-то неладное случилось с психикой корианцев.

Они стали осторожными, медлительными, чрезмерно осмотрительными. Каждый внимательно следил за своим здоровьем и при малейшем отклонении бил тревогу. Участились внезапные припадки раздражительности, нелепые обиды, ссоры. Резко уменьшилось число желающих участвовать в экспериментах. Редели аудитории высших учебных заведений. Никто не хотел рисковать. Космонавты, моряки, летчики, подводники покидали свою работу и искали себе спокойные занятия вблизи жилья. За последний век произошло всего лишь несколько катастроф на пассажирских авиационных линиях, но и этого оказалось достаточно, чтобы корианцы почти перестали путешествовать. Единое прежде население планеты распалось

на обособленных индивидуумов, запиравшихся в узком мире своих семей. Но самое страшное пришло потом.

Давно уже окончился срок действия временной стерилизации, но рождаемость не возобновлялась. Поначалу бытовало мнение, что стерилизация, видимо, практически действует дольше, чем предполагалось по расчету. Но годы сменялись годами, десятилетия десятилетиями, корианцы стали забывать, как звучит крик новорожденного.

Вот тут-то и припомнили, что опыты по стерилизации проводились в спешке, а взаимодействие стерилизатора с антигеном по-настоящему не рассматривалось вообще. Вероятно, именно их сочетание и породило бесплодие.

Итак, род корианцев оказался под угрозой полного вымирания. Не стоило искать виноватых. В свое время все хотели жить тысячу лет. И никто не подумал, а что же будет с потомками, и будут ли потомки вообще...

Кроме того, корианцы начали ощущать невероятную усталость. Веками они привыкли рассчитывать свои дела на сотни лет. Конечно, они хотели жить долго. Но тысяча лет! Так страдающий от жажды думает, что способен осушить океан, но и ведро воды оказывается для него чрезмерной дозой. Такой чрезмерной дозой оказался для жителей Кори переход к тысячелетней жизни. Они не были готовы к ней. Корианцы уставали от жизни.

Теперь они уже не боялись смерти. Опять летали, плавали, экспериментировали, иногда с особым риском, но не находили удовлетворения. Они возненавидели время.

Общая опасность сплотила корианцев, вдохнула в них свежие силы. Вчерашние эгоисты, лишившие жизни потомков, они теперь превратились в альтруистов. У них появилась цель. Еще недавно полупустые аудитории заполнились до отказа, миллионы занялись самообразованием. Не было отбоя от желающих работать в лабораториях Медицинской Академии. Вся

планета искала тайну бесплодия. Корианцы хотели исправить ошибку. Но было уже слишком поздно...

И начали умирать первые «бессмертные». Жизнь на планете угасала.

Тогда Высший Совет собрал самых мужественных и опытных ученых. Оставалось только одно: обсудить будущее планеты после смерти последнего корианца.

Корианцы не одни во вселенной, рассудили ученые, умрут они, но не прекратится жизнь на миллионах обитаемых планет. Так пусть же иная, достойная цивилизация придет на Кори...

Итак, предстояло разработать меры по модернизации Кибернетического центра, создать автоматов-роботов, способных даже после гибели последнего корианца принять посланцев иной цивилизации, составить мнение о них и в случае удовлетворительного решения раскрыть им тайну Кори. Необходимо было учесть все варианты, принять во внимание любую ситуацию, в том числе и возможность прилета агрессивно настроенных пришельцев.

И ученые Кори принялись за последнюю в своей жизни работу...

Снова Шахбоз в узком прохладном коридоре. Льет неяркий свет, мерцают серые кубы.

— Выходит, когда вы отправили в космос первый сигнал, планета была уже мертва? — спросил он.

— Практически да. Оставались в живых к тому времени всего лишь несколько тысяч корианцев. Ко времени трансляции третьего сигнала умер последний.

Потрясенный Шахбоз долго молчал. Потом, обращаясь к ближайшему киберу, сказал:

— Когда вы засекли наш звездолет?

— В трех парсеках от Кори, — ответил голос откуда-то сверху, — там установлены наши сторожевые зонды. Когда же мы узнали, что ваш звездолет остался на орбите и к планете приближается планетолет, мы решили применить четвертый

вариант. Он предусматривал посадку планетолета вблизи Кибернетического центра и доставку его экипажа в гипнотическом состоянии на главный пульт. Роботы, которых вы называли жуками, уничтожили часть леса, образовав круглую площадку, откуда они, расположившись в определенном порядке, посылали световой луч в направлении вашего планетолета. Вы засекали этот луч и повели корабль к кругу. На высоте пятнадцати тысяч метров у нас располагается ряд защитных слоев, каждый из которых способен экранировать тот или иной вид волн. Центр решил вам оставить радиосвязь, так как в противном случае вы могли бы изменить свое намерение совершить посадку.

Однако после посадки, получив необходимое для анализа количество информации, Кибернетический центр экранировал и радиоволны. Ему была предписана осторожность...

Центр правильно рассчитал, что пилот-разведчик окажется достаточно мужественным и умным человеком, чтобы в создавшейся обстановке покинуть корабль.

Посланец Земли! Изучив биоэлектрическое поле твоего мозга, проанализировав запись разговоров со звездолетом, а также твои эмоции при ознакомлении с историей гибели корианцев, Центр пришел к выводу, что цивилизация, пославшая тебя, гуманна и дружелюбна. Планета Кори будет принадлежать ей!..

Шахбоз молчал. Вдруг его пронзило острое желание увидеть последнего корианца.

И сразу же он как бы оказался в полутемном узком помещении. В мягком кресле сидел корианец. Лицо его выглядело молодо, и только безмерно усталые глаза выдавали тысячелетнюю тоску. Он смотрел прямо перед собой. Чувствовалось, что все в нем напряжено до предела.

Он вздрогнул, узнав, что остался единственным, живущим на планете.

Корианец вертел в руках какую-то коробочку, на которую Шахбоз вначале не обратил внимания. Корианец был бледным, губы его что-то прошептали, и он резко щелкнул

переключателем на коробочке. Тотчас голубое сияние заполнило помещение. А когда оно рассеялось, на месте кресла не было ничего...

Шахбоз вновь очутился в коридоре. На одном из кубов зажглась красная стрелка.

— Землянин! Подойди! — услышал он голос модулятора.

Шахбоз подошел к кубу и увидел в нем прорезь, из которой выдвинулась белая пластинка. Шахбоз понял, что ее нужно взять в руки.

Пластинка была из плотного переливающегося материала. На одной ее стороне виднелись знаки.

Шахбоз пригляделся к ним и, хотя знаки были ему незнакомы, вдруг понял их смысл. Подняв пластинку ближе к глазам, он прочел:

ЗАВЕЩАНИЕ

Собратья по разуму!

Мы, некогда гордый и счастливый, а сейчас глубоко несчастный народ, обращаемся к вам в свой последний час.

Наша цивилизация еще молода. Мы много сделали, нам предстояло сделать еще больше. У нас были силы, энергия, воля.

Но нас погубил эгоизм.

Каждое живое существо смертно, бессмертно лишь общество!

Мы забыли эту истину. И сейчас расплачиваемся за это.

Нас уже ничто не спасет. Мы уходим.

Но остается наша прекрасная планета, пригодная для жизни. Придите же вы на наше место и живите здесь!

Кибернетический центр передаст вам наши знания и все запасы нашей энергии. Живите счастливо на нашей планете!

Вспоминайте иногда о тех, кто был здесь до вас, и никогда не повторяйте их ошибки.

Любите нашу планету!

Прощайте!

— Землянин! — тут же услышал Шахбоз голос модулятора. —
Облачный покров рассеян, экранирование волн прекращено.
Роботы приступили к устройству посадочной площадки для
звездолета. Передай своим собратьям информацию.

Торопись! У вас много работы.

Авторизованный перевод с узбекского В. Нечипоренко